Исторические Записки

12 (130)

Памяти академика
Александра Александровича
ФУРСЕНКО

Ответственный редактор
академик Б.В. АНАНЬИЧ

МОСКВА НАУКА 2009

Е.Ю. Борисенок

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УКРАИНСКОЙ ССР И СОЮЗНЫМ ЦЕНТРОМ В 60-е ГОДЫ XX ВЕКА*

60-е годы XX в. занимают особое место в советской истории. В эту пору взаимоотношения между республиканскими и союзными властями носили специфический характер, обусловленный как прошедшими демократическими преобразованиями в социально-политической сфере, так и признаками нарастающей централизации. На Украине этот период связан с именем П.Е. Шелеста, возглавлявшего КПУ с 1963 по 1972 г. В данной связи стоит вспомнить, как оценивал Шелеста помощник В.В. Щербицкого В.К. Врублевский: «Это политическая фигура во многих отношениях была неоднозначной. Да и работал Петр Ефимович на переломе от "хрущевщины" к "брежневщине", что во многом и объясняет его противоречивость, половинчатость, шараханье из одних крайностей в другие»[1]. Между тем, фигуре Шелеста в современной исторической литературе уделяется незаслуженно мало внимания. Его деятельность на посту первого секретаря ЦК КПУ зачастую описывается схематично и односторонне, что не позволяет правильно оценить процессы, происходившие тогда на Украине.

П.Е. Шелест возглавил украинскую парторганизацию после Н.В. Подгорного, который был избран секретарем ЦК КПСС на июньском 1963 г. Пленуме. В ежедневнике Шелест сделал следующую запись за 16 июня 1963 г.: «Отъезд в Москву на Пленум ЦК КПСС. Ехали все вместе. Я лично не подозревал, что от нас заберут Н.В., для меня это была абсолютная неожиданность»[2]. Встал вопрос о новом главе украинской компартии. 26 июня 1963 г. в Президиум ЦК КПСС были приглашены кандидаты на пост первого секретаря ЦК КПУ. «Разговор со мной был недолгим, — вспоминал Шелест, — общеознакомительным, доброжелательным. Н.С. Хрущев сказал, что я показал себя неплохо на Киевской области и по работе в ЦК КПУ и что он лично поддерживает мою кандидатуру на первого секретаря ЦК КПУ»[3]. Помимо Шелеста обсуждались кандидатуры Казанца — второго секретаря ЦК и Соболя — секретаря Харьковского промышленного обкома партии. Шелест упомянул, что в тот же день, 26 июня, в Москву прилетел из Донецка Ляшко, который также ожидал приема у Хрущева первого секретаря ЦК КПСС.

По словам П.Е. Шелеста, кандидатура Казанца была отведена Хрущевым: Никита Сергеевич называл второго секретаря

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-91104а/U).

ЦК КПУ «увальнем» и, очевидно, недолюбливал. О Соболе Хрущев отзывался хорошо, но члены Президиума придерживались другого мнения. Как передавал Шелест, московское руководство считало, что Соболь, хотя и обладал большим опытом в хозяйственной работе, в партийной же достаточного опыта не имел, ограничен в общем кругозоре, косноязычен. «Итак, "жребий" пал на меня, какая причина была этому, я сам не могу дать ответ на этот вопрос. Многие члены Президиума меня мало знали, да и я с ними мало сталкивался по работе и знал их лично», — вспоминал Шелест[4]. В сохранившихся в архиве ежедневных записях Шелест не описывает так подробно историю своего назначения, однако в конце делает ремарку: «Дай силы ума, способностей — энергии, здоровья оправдать высокое доверие. Я поблагодарил Н.С. за высокое доверие. Будем ждать Пленум ЦК КПУ»[5].

Когда Петр Ефимович пишет о том, что не знает причины своего назначения, то он, скорее всего, лукавит. Вероятно, причиной стала протекция Подгорного и благосклонность Хрущева. Не случайно активно участвовавший в подготовке «антихрущевского заговора» Подгорный в марте 1964 г. обратился именно к Шелесту в надежде обрести на Украине «запасной аэродром» на случай каких-либо осложнений. По словам Шелеста, Подгорный «много высказал своих соображений о работе аппарата ЦК и далеко не совсем слаженной работе и состоянии дел в Президиуме ЦК КПСС, не раскрывая самой сути вопросов», и попросил «на всякий случай» забронировать для него квартиру в Киеве. Шелест ответил, что квартира уже готова (переулок Дзержинского, дом 5, квартира 17, третий этаж, пять комнат)[6]. Кстати, в рабочих записях Шелеста квартира в Дзержинском переулке упоминается не под 23 марта, а двумя днями ранее — 21 марта 1964 г. *В ежедневнике Шелест записал: «Позвонить Н.В. ...2. О квартире. Пер. Дзержинского 5 кв. 17 3 эт.»[7]. Видимо, Подгорный* не раз напоминал Шелесту о «квартирном вопросе». 3 июня 1964 г., Шелест сделал следующую рабочую запись: «Позвонить Н.В. Подгорному. ...6. квартира. Дзер. переул.»[8].

П.Е. Шелест показал, что фигурой Хрущева он отнюдь себя не считает. Буквально через несколько месяцев после своего назначения Петр Ефимович принял довольно активное участие в «деле»[9] Хрущева, обеспечив поддержку Брежнева и Подгорного украинскими коммунистами (верной Хрущеву осталась только О.И. Иващенко) и выступив — первым — 13 октября 1964 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Впрочем, Шелест действовал весьма осторожно и, пока не убедился в неотвратимости грядущих изменений, решительных шагов не предпринимал. Напротив, 9 марта 1964 г. он подписал письмо в ЦК КПСС о присуждении Н.С. Хрущеву премии им. Т.Г. Шевченко[10], а 16 апреля — поздравительную телеграмму в связи с 70-летием Хрущева (вместе с председателем Президиума Верховного Совета УССР Д. Коротченко и председателем Совета министров

УССР И. Казанцом). В этой телеграмме руководство Украины *пожелало юбиляру «долгих-долгих лет энергичной, неутомимой* деятельности на благо нашей партии, советского народа и всего прогрессивного человечества»[11].

По словам помощника В.В. Щербицкого В.К. Врублевского, «выдвиженец Хрущева (Шелест. — *Е.Б.*), неоднократно декларировавший ему свою верность и благодарность, он вряд ли делал это искренне. Будучи прагматиком и технократом, с большой закваской крестьянской морали, Шелест не мог не видеть, что время и карьера Хрущева заканчиваются»[12]. Свидетельство Врублевского стоит принять во внимание. Еще в середине октября 1963 г. Шелест, судя по его дневниковым записям и воспоминаниям, *почувствовал новые настроения среди высшего руководства* в Москве[13]. *В начале же июля 1964 г.* Шелест убедился в серьезности намерений «заговорщиков» и быстро сориентировался в ситуации: «Становится одно ясным, что идет большой замысел, Брежнев и Подгорный намереваются устранить Хрущева от руководства. Но сильно боятся этого шага, тем более что он основывается на трусости и беспринципности, на жажде власти, вот и ищут опору, при этом возлагают большие надежды на партийную организацию Украины и, в частности, на мои с ними действия»[14].

Очевидно, что позиция Шелеста (и вообще всей украинской парторганизации), занятая в октябре 1964 г., обусловила дальнейшие взаимоотношения между Москвой и Киевом. Украинские коммунисты очутились в фарватере союзного центра, и изменить сложившуюся ситуацию оказалось уже непросто. Тем более что пришедший к власти Л.И. Брежнев великолепно знал Украину, особенно Днепропетровскую область, уроженцем которой он являлся. Люди, пришедшие к власти вместе с Брежневым, *не были единой командой*[15], и в *такой ситуации* новый советский лидер начал расстановку на ведущих местах своих сторонников. Из состава Президиума ЦК КПУ вывели О. Иващенко и И.Сенина. В.К. Врублевский вспоминал, что Брежнев был наделен мощным инстинктом власти и руководствовался проверенным правилом — опираться на верных людей, которых знал по прежней работе[16].

Очевидно, что Брежнев отнюдь не считал Шелеста своим, хотя последний и поддержал его в октябре 1964 г. Украинский руководитель платил той же монетой. В дневниковых записях за апрель 1965 г., размышляя о роли характера руководителя, Петр Ефимович сделал следующую запись о Брежневе: «По характеру трусливый, злобный, мстительный, человек своими действиями пытается подорвать авторитет товарищей, с которыми он работает. Эти мысли меня постоянно мучили, тревожили, я их в осторожной форме высказал Н.В. Подгорному, он меня чисто по-товарищески предупредил: "Не будь слишком откровенным с Брежневым"»[17]. Впрочем, подобная запись у Шелеста далеко не единственная.

Конечно, подобные оценки высшего партийного руководства Шелест вряд ли высказывал открыто, исключением мог быть только Подгорный. Сам же Шелест старался и, видимо, производил на слушателя благоприятное впечатление. Например, известный писатель В.П. Некрасов так передавал свои смущения от встречи с ним: «На меня он произвел довольно приятное впечатление — внимательность при разговоре и умение слушать как-то не вязались у меня с образом первого секретаря и его круглой, плоской, как блин, с маленькими глазками, не очень-то выразительной физиономией». Однако тут же Некрасов «смазывает» положительный образ руководителя одним метким замечанием. Дело в том, что тот готовил какую-то конференцию — встречу интеллигенции с руководителями партии — и хотел, чтобы на ней выступил Некрасов и рассказал, как его критиковал Хрущев: «Вот, оказывается, для чего я был вызван. Потоптать поверженного Хрущева»[18].

П.Е. Шелест считал, что «в упрочении и некоторой стабильности Брежнева в роли первого секретаря ЦК КПСС Н.В. Подгорный сыграл исключительную роль. Наперед можно сказать, что не было бы Подгорного, Брежневу тем более на первых порах не удержаться»[19]. Судя по дневниковым записям, отношения с Брежневым у украинского руководителя не складывались. По его мнению, Брежнев опасался роста авторитета Подгорного и большого влияния украинской парторганизации. Шелест же, по собственному его признанию, во всех мероприятиях поддерживал Подгорного[20]. Как бы то ни было, Брежневу действительно была крайне необходима безусловная поддержка, а главное, предсказуемая позиция Украины по основным политическим вопросам. Напомним, что уже весной 1965 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, который обозначил программу реформ в промышленности. Пленум постановил ликвидировать совнархозы и восстановить отраслевую систему управления промышленности через союзные и союзно-республиканские министерства. В начале октября 1965 г. соответствующее постановление приняла сессия Верховного Совета СССР.

Шелест вел себя осторожно и на мартовском Пленуме 1965 г., посвященном сельскому хозяйству, встал на сторону Брежнева. В его рабочих записях сохранился следующий комментарий: «В порядке подготовки к Пленуму между Брежневым и Косыгиным были основательные стычки по вопросам материально-технического обеспечения сельского хозяйства. Косыгин настаивал, что от сельского хозяйства надо больше получать отдачи, что много в него вкладываем, но мало получаем... Брежнев неоднократно апеллировал к нам, секретарям ЦК нацкомпартий и руководителям республик, за помощью в решениях материально-технического обеспечения сельского хозяйства... Мы, конечно, поддерживали Брежнева...»[21] По-видимому, украинские коммунисты дали понять Брежневу о своем желании получить за

оказанную поддержку некоторые дивиденды. Так, когда генсек прислал свой проект доклада к пленуму, Киев сделал «предложения, критические замечания по некоторым вопросам проекта доклада», что вызвало у Брежнева «настороженность и некоторую нервозность. Впоследствии все наши правильные вопросы, объективное освещение истинного положения дел обернулось против нас, что мы мол-де, Украина претендует на какое-то особое положение — это все было надуманно, натаскано и кроме ущерба общему делу не давало»[22]. В этих условиях Брежнев решил, видимо, подстраховаться и продвинуть на Украину своих сторонников: фигура Шелеста переставала устраивать генерального секретаря.

Учитывая надвигающуюся реформу, П.Е. Шелест попытался прощупать «границы экономической самостоятельности» республик и определить степень влияния Украины и украинского руководства в союзной хозяйственной политике. 2 апреля 1965 г. он ходатайствовал перед ЦК КПСС о расширении прав республик по использованию сверхплановой продукции для местных нужд. В специальном письме секретарь ЦК КПУ просил разрешить республикам устанавливать дополнительные задания или организовывать производство сырья, материалов, машин, оборудования и использовать их для собственных нужд, если потребность в них не обеспечивалась за счет централизованного распределения. Кроме того, он просил оставлять в распоряжении республик вырабатываемую и заготавливаемую сверх государственных квартальных планов продукцию[23].

9 июня 1965 г. П.Е. Шелест вместе с председателем Совета министров УССР И. Казанцом подписал письмо в ЦК КПСС и Совет Министров СССР относительно развития народного хозяйства Украины на 1966–1970 гг. Украинское руководство ходатайствовало о внесении поправок в разработанные союзным Госпланом контрольные цифры, считая, что крайне недостаточное развитие получала топливная промышленность, черная металлургия, тяжелое машиностроение. Указывалось на несоответствие между объемами капитальных вложений и объемами производства продукции ряда отраслей. В письме говорилось, что «все изложенные вопросы республики были поставлены перед Госпланом СССР при разработке проекта контрольных цифр на 1966–1970 гг., однако ни один из них не был принят во внимание и не получил положительного решения»[24].

2 августа 1965 г. Шелест написал еще одно письмо в ЦК КПСС, в котором речь шла о внешней торговле УССР. Украинский руководитель ходатайствовал об организации непосредственных внешнеэкономических связей Украины с зарубежными странами. «За последние годы неизмеримо возрос международный авторитет Советской Украины как суверенной державы, являющейся членом-учредителем ООН и участником многочисленных международных организаций», — говорилось

в записке. Советская Украина занимает видное место в мировом промышленном производстве и является одним из крупнейших поставщиков экспортируемых СССР товаров, однако «возможности республики для развития внешней торговли страны используются не полностью»[25]. Секретарь ЦК КПУ просил компетентные организации изучить этот вопрос и внести соответствующее предложение.

Реакция последовала практически незамедлительно. 2 сентября 1965 г. состоялось заседание Президиума ЦК, в конце которого, в неофициальном порядке, ставился вопрос о записке тов. Шелеста по внешнеполитическим вопросам. Петр Ефимович пишет: «Только впоследствии мне стало известно, что всю "проработку моей записки" организовал Брежнев с его интриганскими замашками». По его мнению, все было тщательно подготовлено, в том числе и выступления Шелепина, Демичева, Суслова и Косыгина. «...В речах начали проскальзывать вопросы, связанные с тем, что на Украине якобы слабо ведется борьба с проявлениями буржуазного национализма, что идеологическая работа, особенно среди молодежи, ослаблена, а пропаганда дружбы народов и интернациональное воспитание поставлены плохо...»[26] Любопытно, что в одном из сохранившихся в архиве вариантов воспоминаний об этом событии, Шелест характеризует выступление генсека 2 сентября так: «Выступление Л. Брежнева носили примиренческий характер, было расплывчато, непредметно, чувствовалось, что он лавирует, не владеет положением»[27]. Эта запись была сделана «по горячим следам», позже Шелест, видимо, решил расставить акценты по-другому.

По мнению П.Е. Шелеста, было наговорено «много глупостей и оскорблений, необоснованных обвинений» в адрес руководителей республики: «Утверждалось, что, мол, Украина претендует на особое положение, проявляет местничество. Говорили и о том, что нарушается государственная и плановая дисциплина»[28]. Судя по всему, заседание перешло в обычную перепалку. Шелест признавал, что многое было сказано «в горячке». «Договорились даже до того, — пишет Шелест, — что на Украине слишком много говорят на украинском языке и что даже вывески на магазинах и названия улиц написаны на украинском языке»[29]. Письмо Шелеста в ЦК было признано политически неправильным, о чем было принято спустя два месяца соответствующее решение[30].

Если в опубликованных воспоминаниях Шелест весьма откровенно негодовал против резкой позиции московских товарищей, то в ежедневных рабочих записях, сохранившихся в архиве, он менее категоричен. «Выступили все товарищи с острой критикой в мой адрес, — записал он. — Говорили о неосмотрительности, политическом притуплении и зрелости в этом вопросе. Правильная оценка, тем более что этот документ мог дать повод классовым врагам использовать его для разжигания национальной розни, расшатывания единства народов. ... Было

тяжело все это перенести. Чувствовал себя убийственно. Нельзя себе простить, что я мог это допустить... Не продумал этого вопроса. Не посоветовался с большим кругом товарищей, членов президиума, секретарями ЦК КПУ. Этой грубой политической ошибки можно было избежать»[31]. В записях, сделанных «по горячим следам», значилось: «Много было высказано правильных замечаний в частности: 1. О слабой борьбе с проявлениями национализма – буржуазного; 2. Об усилении идеологической работы особенно среди молодежи; 3. О повышении политической бдительности; 4. О неправильном ... (неразборчиво. – *Е.Б.*) в переименовании улиц (Киев); 5. О письмах во все концы (неразборчиво. – *Е.Б.*) Сов[етского] Союза националистического пошиба... 6. О демонстрациях молодежи у памятников Шевченко и другие вопросы»[32].

В своих воспоминаниях Шелест критикует излишнее рвение части центрального руководства в отношении украинского языка. Любопытно в этой связи отметить «двуязычие» самого украинского руководителя. Так, если взять речи Шелеста за 1970–1972 гг., то они произносились на русском языке перед партийными товарищами (речь на совещании ответственных работников аппарата ЦК КПУ 14 января 1972 г.[33], доклад на совещании секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов, руководителей ряда министерств и ведомств 25 февраля 1972 г.[34]) или перед рабочими (речи на активе горняков «Торезантрацит» 30 октября 1970 г.[35], при вручении Херсонскому судостроительному заводу ордена Ленина 10 июня 1971 г.[36]). Перед работниками же сельского хозяйства Шелест выступал по-украински (на республиканском совещании агрономов 4 февраля 1972 г.[37], речь при вручении ордена Ленина совхозу «Більшовицький наступ» Великоолександровского района Херсонской области 11 июня 1971 г.[38]).

Возвращаясь к событиям сентября 1965 г., отметим, что в этот период произошли перемены в составе украинского руководства. За продвижение кандидатов на освободившиеся должности велась борьба между Брежневым и Шелестом, и началась она буквально через несколько дней после вышеупомянутого заседания Президиума ЦК. 7 сентября 1965 г. по Президиуму ЦК КПСС была разослана записка Шелепина. «В этом "документе" обвинялось руководство республики (УССР. – *Е.Б.*) в местничестве, и оказывается оно проявлялось в том, что мы для "тылов" черной металлургии республики, которая составляет 52% союзного производства, взяли несколько тысяч тонн сверх плана производства металла для ремонтных целей, так как Госплан совершенно не выделял для этих нужд металла», – записал Шелест, добавив при этом, что Шелепин сочинил свою записку с «подачи» и согласия Брежнева[39].

В результате И.П. Казанец был переведен с должности председателя Совета министров УССР в министры черной металлургии[40]. В украинском руководстве открывалась очень важная

вакансия, и развернулась борьба на продвижение «своего человека». 7 октября 1965 г. П.Е. Шелест прилетел в Москву для согласования кадровых вопросов. Он желал видеть на должности предсовмина республики первого секретаря Донецкого обкома А.П. Ляшко. Брежнев же настаивал на кандидатуре В.В. Щербицкого. В борьбе за обладание этим стратегически важным постом Шелест не смог противостоять натиску, хотя и попытался опереться на авторитет Подгорного. 9 октября «у Брежнева с Подгорным произошел крупный разговор по кандидатуре Щербицкого. Подгорный сказал Брежневу, что идет беспринципный подбор кадров не по деловым качествам, а по знакомству... Подгорный поддерживал кандидатуру Ляшко...»[41] В итоге председателем Совета министров Украины был назначен Щербицкий.

В своих взаимоотношениях с Брежневым П.Е. Шелест старался быть осторожным, хотя и отстаивать собственную позицию. Так, 5 декабря 1966 г., при посещении Тернопольской области, начальник областного управления КГБ Л. Ступак рассказал о том, как о Брежневе некорректно отзывались некоторые сотрудники союзного КГБ, недавно бывшие в области. Шелест попросил Ступака написать соответствующее письмо и сообщил обо всем Брежневу. Причем сделал он это 9 декабря 1966 г., когда на заседании Политбюро обсуждался вопрос о том, как праздновать 60-летие Брежнева. Заседание началось в 15.30, а в 12.30 Шелест доложил Брежневу о состоянии дел в республике и, конечно, о своем разговоре со Ступаком. Брежнев изменился в лице, губы посинели — так описывает украинский руководитель состояние генсека[42].

Видимо, слова Шелеста упали на благодатную почву. Брежнев с опаской относился к главе КГБ СССР В. Семичастному, сыгравшему значительную роль в октябрьских событиях 1964 г., и искал удобный момент для его перемещения. Вскоре, в апреле 1967 г., такой случай представился. Перед началом одного из заседаний Политбюро Брежнев пригласил к себе в кабинет Шелеста и попросил найти что-нибудь для Семичастного на Украине. Шелест предложил было должность первого секретаря обкома партии Кировоградской области, но генсек выступил против использования Семичастного на партийной работе. Тогда Петр Ефимович назвал пост заместителя председателя Совмина республики. Брежнев уточнил: первого заместителя. Хотя на Украине имелось уже два первых заместителя предсовмина, для Семичастного была учреждена должность «третьего первого»[43].

Как пишет Шелест, и для самого Семичастного, и для многих членов Политбюро перевод с поста председателя КГБ СССР на должность первого заместителя предсовмина Украины стал неожиданностью. Когда Семичастный попытался выяснить, за что его снимают, Брежнев сослался на недостатки в работе КГБ, в частности на случай со С. Аллилуевой, отправившейся сначала в Индию, а оттуда перелетевшей в США[44].

Очевидно, взаимоотношения с союзным руководством у Шелеста складывались сложные: он старательно выполнял поставленные перед ним задания, хотя не упускал случая (по возможности) представить украинские интересы. Так, с одной стороны, он согласился с назначением Щербицкого, «нашел» пост для Семичастного и смирился с перемещением Казанца. В то же время Шелест явно тяготился опекой Москвы в вопросах, которые он считал прерогативой Киева. Характерный пример — организация празднования 50-летия УССР. В ноябре 1967 г. он сделал следующую пометку в ежедневнике: «Работали всем коллективом над мероприятиями, как лучше организовать и вместе с этим без большого шума отметить 50-летие Украинской Советской Социалистической Республики. Много сложных вопросов, их без Москвы не решить — хотя по-настоящему все это должно быть нашей компетенцией, но так заведено, каждую мелочь надо решать только через Москву. Подготовили письмо в ЦК КПСС с просьбой и постановочными вопросами и предложениями, будем ждать ответа»[45].

Сохранились записки и письма за подписью Шелеста в ЦК КПСС, в которых он, по собственным его словам, «отстаивал интересы республики» в период проведения реформ в промышленности. В октябре 1965 г. состоялся пленум ЦК КПУ и заседание сессии Верховного Совета УССР, посвященные экономической реформе. Были созданы 9 союзно-республиканских министерств, а также республиканское министерство местной промышленности УССР, ликвидированы Украинский совет народного хозяйства и совнархозы экономических районов. Ликвидация совнархозов сопровождалась перераспределением компетенции между центром и республикой, сменой концепции и принципов хозяйствования. Переход от территориальной к отраслевой системе управления означал контроль союзных органов над экономикой Украины. В конце 1965 — начале 1966 г. в ведение союзных министерств перешли 499 предприятий и организаций, или 7% от их общего числа. В ведение союзно-республиканских министерств перешло 5986 предприятий и организаций (84,2%). Государственно-плановая комиссия УССР была преобразована в союзно-республиканский Государственно-плановый комитет СМ УССР[46].

Докладные записки украинского руководства в ЦК КПСС касались, в основном, выделения капиталовложений в украинскую экономику и протесты против ликвидации республиканских министерств (энергетики и электрификации, химической промышленности, геологии), проводимых в целях совершенствования системы управления отраслями промышленности[47]. Все они были написаны в более осторожной манере, нежели упомянутые выше записки 1965 г. Так, в письме Шелеста в ЦК КПСС касательно проекта Директив развития народного хозяйства СССР на 1971 — 1975 гг. речь шла лишь о «некоторых важнейших вопросах», не нашедших положительного решения в

Совете Министров СССР. В 1971 г. Шелест вносил «конкретные предложения по основным направлениям развития экономики Украинской ССР»[48], тогда как в аналогичном документе 1965 г. глава КПУ считал необходимым внести в союзный документ «ряд существенных изменений и добавлений по Украинской ССР»[49]. В 1971 – 1975 гг. Шелест предлагал «не снижать уровня жилищного строительства», не увеличивать объемы сверхплановой закупки молока и сахарной свеклы, несколько снизить планы производства готового проката черных металлов. Что касается капиталовложений, то на этот раз Шелест лишь просил дополнительно выделить 400 млн рублей капиталовложений в легкую промышленность[50].

В данном случае указанные письма являлись реакцией украинского руководства в ответ на усиливающуюся централизацию. Шелест записал в ежедневнике за февраль 1970 г.: «Из Москвы все время исходит навязчивая "идея" – тенденция к устранению в республиках промышленных Министерств. Мотив – да никакого мотива – просто очередной зуд "централизации" – неразумное подавление инициативы на местах, снятие ответственности с местных партийных и советских органов»[51]. Шелест опасался, что подобная реорганизация пойдет во вред экономическим интересам страны, поскольку ослабит нижнее и среднее руководящее звено: «Как можно допустить, чтобы в такой республике, как Украина, которая дает почти 50% всего металлургического производства страны, угля – 32%, руды – 68%, химия, электроэнергия, машиностроение, приборы, оборонная продукция и все это оставить без руководства на месте»[52]. Настроения украинского руководства не могли понравиться в Москве: «На наши доводы, что нельзя так решать вопросы руководства сложным хозяйством, идет своеобразная реакция. Доходящая до глупостей – нас начинают обвинять чуть ли не в местничестве и национализме. Мой разговор по этим вопросам на разных уровнях, в том числе и с Брежневым – немного охлаждает пыл "реорганизации". Но я себе наживаю неприятности и "врагов". Но я ведь все делаю не ради формы, а дела»[53].

Следует подчеркнуть, что все указанные письма и записки укладывались в принятую в те годы борьбу за интересы хозяйствующих субъектов. П.Е. Шелест мог вести борьбу за улучшение материально-технического обеспечения отдельных отраслей промышленности или за увеличение доли представительства Украины в союзных организациях (например, о выделении вакансий для ученых Украины на выборах в АН СССР[54]). Однако деятельность Шелеста на посту первого секретаря ЦК КПУ не только не шла вразрез существующей экономической и политической системе, но была направлена, в конечном счете, на ее укрепление. Весьма характерно в данном плане отношение украинского партийного руководства к проявлениям так называемой «националистической буржуазной пропаганды».

30 августа 1963 г. (т.е. приблизительно через месяц после назначения Шелеста) состоялась встреча и беседа с начальниками областных управлений КГБ и членами коллегии ГК КГБ Украины. Шелест, судя по его воспоминаниям, говорил «об активизации работы органов КГБ, о том, что в республике, и не только в нашей республике, идет некоторое оживление националистических элементов. Имеют место проявление антисоветизма, открытые антиобщественные проявления, распространение листовок. Необходима борьба за молодежь, ибо чувствуется большое на нее влияние Запада»[55].

В сентябре 1963 г. Шелест провел с ответственными работниками КГБ, МВД, суда, прокуратуры и другими административными органами республики совещание, на котором обсуждались вопросы работы с общественностью. Он заявил: «За последние месяцы на 10% увеличилось распространение листовок разного рода, и в первую очередь политического характера. Участились угрозы физической расправы в адрес партийного и советского актива, поднимают голову идеологически враждебные элементы. Дал указание "затянуть гайки", и всем административным органам работать дружно, совместно и оперативно решать все возникающие вопросы. Сократить сроки расследования, своевременно обо всех важных вопросах информировать ЦК КПУ. Одним словом, ужесточаем административный напор — другого выхода нет»[56].

Видимо, Шелест свою позицию проявил весьма убедительно. Уже 2 декабря 1963 г. КГБ при Совете министров УССР направил в ЦК КПУ справку о мерах по борьбе с буржуазной пропагандой в связи с празднованием в 1964 г. 150-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко. «С целью эффективного идеологического воздействия на украинскую эмиграцию и разоблачения антинародного лица украинских буржуазных националистов за кордоном» планировалось освещать в газете «Вісті з України» и в передачах за границу Республиканского радиокомитета жизнь Шевченко, показывать интернациональный, демократический характер его творчества[57]. В то же время, говорилось в документе, следовало «разоблачать извращения в истолковании творчества Шевченко националистических и других буржуазных шевченковцев за кордоном, а также стремления буржуазных националистов использовать имя и творчество поэта и само проведение юбилея для оживления националистических настроений среди украинской эмиграции и активизации ее подрывной деятельности против СССР»[58].

Борьба с националистическими настроениями велась украинским руководством упорно и последовательно. В конце августа — начале сентября 1965 г. на Украине было арестовано несколько десятков человек, обвинявшихся в принадлежности к националистическому антисоветскому подполью. Осенью 1965 г. в Киеве в кинотеатре «Украина» состоялась премьера фильма С. Параджанова «Тени забытых предков», во время которого

случился следующий инцидент. Перед началом сеанса выступил режиссер картины и несколько кинокритиков. Неожиданно на сцену поднялся И. Дзюба и, присоединившись к высоким оценкам фильма Параджанова, сказал: жаль, что впечатление от фильма портиться арестами среди украинской интеллигенции во Львове и других городах Украины. И актеры, и зал оцепенели. Кто-то из администрации пытался забрать у Дзюбы микрофон, но он продолжал говорить. Дзюбу поддержал В. Стус, предложивший зрителям в знак протеста против арестов подняться со своих мест. Зрители начали несмело вставать. Тут через микрофон была отдана команда начать демонстрацию фильма, свет в зале погас и сеанс начался[59].

На имя прокурора УССР Ф. Глуха и главы КГБ УССР В.Ф. Никитченко пришло письмо с 78 подписями (Шелест пишет о 77). Против нарушения гражданских прав на Украине протестовали З. Франко, М. Коцюбинская, Г. Кочур, И. Драч, И. Дзюба и другие. После протестов по поводу произведенных арестов Дзюба был уволен с должности в издательстве «Молодь», В. Черновол снят с работы в газете «Молодая гвардия», В. Стус отчислен из аспирантуры Института литературы АН УССР, Р. Кудлик выгнан из редакции журнала «Жовтень», М. Коцюбинская и Ю. Бадзьо исключены из партии. Последовали санкции и в отношении других[60].

Во второй половине 1965 г. И. Дзюба написал работу «Интернационализм или русификация?», которая считается главным документом нового национально-демократического движения на Украине. Дзюба адресовал свою работу руководству УССР и СССР и доказывал, что республиканское и союзное руководство проводят пагубную национальную политику, отошли от ленинских принципов, не считаются с национально-культурными интересами украинского народа, ущемляя его не только в языковой, но и в экономической, политической, культурной и других сферах. В декабре 1965 г. Дзюба послал письмо на имя Шелеста и предсовмина Щербицкого, в котором говорилось о том, что фактическое национально-политическое положение Украины не соответствует ее формально-конституционному государственному положению, что положение украинской культуры и языка вызывает глубокую тревогу[61].

Реакция украинского ЦК последовала весьма острой. П.Е. Шелест в своих дневниковых записях за 3 января 1966 г. отмечал: «Рассматривал почту. Отдельно мне доложили о "Письме 77" и о письме И. Дзюбы на 214 страницах. Надо было принимать срочные и решительные меры. Было поручено Скабе и Кондуфору подготовить предложения... О наших мероприятиях по этим вопросам было доложено в ЦК КПСС Суслову, Капитонову, Пигалеву. Явно было видно, что кое-где поднимают голову националистические элементы»[62]. 11 января состоялось заседание Президиума ЦК КПУ об усилении идеологической работы.

13 января в ЦК КПУ первый секретарь провел совещание с участием украинских писателей, преподавателей университета и ВПШ. Речь шла о работе Дзюбы «Интернационализм или русификация?» и о «Письме 77». «Было договорено, что эта группа товарищей к 25 января даст в ЦК обстоятельный и обоснованный документ, разоблачающий "Письмо 77" и "Интернационализм или русификация", написанный Дзюбой»[63].

Очевидно, что для Шелеста и украинского руководства вообще отстаивание экономических интересов республики, касающихся планов поставок, выделения финансирования, полномочий республиканских министерств и ведомств, считалось вполне уместным. Когда же речь шла об основах советской идеологической системы, украинское руководство сурово следовало установленному центром курсу. Иногда даже особенно сурово. В.Л. Мусатов отмечает, что Шелест — вместе с Подгорным — придерживались наиболее жесткого подхода в отношении чехословацких событий 1968 г.[64] Шелест расценивал происходившие в ЧССР события как нарастание реакции и усиление правооппортунистических элементов. Касаясь ввода войск Варшавского договора в Прагу в августе 1968 г., Петр Ефимович подчеркивал, что чехословацкие руководители совсем не владели ситуацией в стране и в партии. Поэтому, чтобы избежать гражданской войны в Чехословакии, необходимо было пойти на жесткие меры: «Не так легко было решиться пойти на крайние меры, но все уже упущено, и другого решения и выхода нет»[65].

Вообще следует отметить, что позиция руководства КПСС отнюдь не была монолитной[66]. В этой ситуации Брежнев, видимо, вновь, как и в 1964 г., обратился за поддержкой к главе украинских коммунистов. П.Е. Шелест принимал самое активное участие во всех важнейших встречах и переговорах по чехословацким делам. 21—25 февраля 1968 г. он в составе советской делегации побывал в Праге на юбилейных торжествах. «В Праге ощущается какой-то политический парадокс: 20-летие образования Чехословацкой республики и победы над реакцией, — писал Петр Ефимович. — И в то же время явно чувствуется, что нарастает реакция правооппортунистических элементов. Контрреволюция набирает силу в Чехословакии»[67]. Во время пребывания в Праге Шелесту удалось переговорить с некоторыми руководителями КПЧ и правительства Чехословакии — Кольдером, Якишем, Биляком, Ленартом. После возвращения в Москву он подробно доложил Брежневу о своих впечатлениях[68].

П.Е. Шелест входил в состав делегации на совещаниях относительно чехословацких событий в марте 1968 г. в Дрездене и в июле в Варшаве. Кроме того, он регулярно сообщал Брежневу полученные неофициальные сведения. Например, 10 июля, еще до совещания в Варшаве, Шелест узнал от первого секретаря Закарпатского обкома КПУ Ю. Ильницкого о настроениях среди словацких коммунистов. «В Словакии затеяна какая-то возня

вокруг так называемой "федерализации" в партийных органах КПЧ...»[69], — записал он в дневнике. На следующий же день он позвонил в Москву Брежневу и подробно передал всю полученную от Ильницкого информацию[70].

Получив от того же Ильницкого и председателя украинского КГБ В.Ф. Никитченко сведения о том, что чехословацкие деятели В. Биляк и А. Костелянский хотят встретиться с ним, Шелест тут же сообщил об этом Брежневу. Первые его записи о попытках контакта с Биляком относятся ко второй декаде апреля 1968 г. Однако встреча состоялась только 20 июля. В этот день, во второй половине, ему позвонил Брежнев и сказал, чтобы тот срочно вылетел в Будапешт для встречи с Я. Кадаром. «Он тебе все расскажет, как тебе надо действовать... У тебя должна состояться встреча на Балатоне с Биляком, он там отдыхает с группой чехословацких товарищей»[71], — вспоминал Петр Ефимович. Прилетев 21-го вечером в Москву, он сразу же отправился на квартиру Брежнева на Кутузовском проспекте. Разговор затянулся до поздней ночи. Шелест вспоминал, что генеральный секретарь поблагодарил его и назвал настоящим другом[72].

Присутствовал Шелест и на встрече с чехословацким руководством в Черне-над-Тисой, причем позиция его выглядела довольно жесткой. «Товарищи, подумайте, куда вы идете, — обратился он к чехам, — чем все это может закончиться. Все это может быть трагично для народа. Тов. Дубчек, поймите, если вас буржуазная идеология использует как знамя борьбы против марксистско-ленинской идеологии, сравнивают вас с Масариком, то кому вы служите?»[73] Шелест указывал, что именно в Черне-над-Тисой он получил от Биляка (через посредника) письмо от ряда чехословацких коммунистов (он называл среди подписавшихся Индру, Биляка, Кольдера, Барбирека, Капека, Риго, Швестку, Кофмана, Ленарта, Штроучака, Пилера) с просьбой в случае надобности вмешаться и преградить путь контрреволюции[74].

П.Е. Шелест вспоминал, что, получив письмо, Брежнев сказал: «Спасибо тебе, Петро, мы этого не забудем». «И действительно, Брежнев меня "не забыл" — при первой же возможности избавился от лишнего свидетеля и активного участника всех дел с Чехословакией»[75], — писал он.

Позиция Шелеста в отношении и «пражской весны», и местных, украинских, диссидентов, свидетельствует о том, что украинский руководитель готов был пойти на самые жесткие меры в отношении своих политических противников. В августе 1968 г. (5 – 10 числа, т.е. еще до ввода войск в Чехословакию) Шелест так записал свои впечатления о происходивших событиях: «Международная обстановка такова, что нам коренным образом надо усиливать нашу пропагандистскую и идеологическую работу. А это в значительной мере надо делать через средства массовой пропаганды, прежде всего через газеты, журналы, но увы! Наши

"умники" идеологи, вроде известного Суслова, под предлогом нехватки бумаги и нерентабельности сокращают выпуск газет и журналов, а некоторые совсем закрывают. Пришлось писать письмо в ЦК КПСС, но оно попало к тому же "мудрецу" Суслову, а это можно считать, что вопрос канул»[76].

В данном случае любопытно привести шелестовскую оценку деятельности Сталина. 7–8 января 1969 г. Петр Ефимович сделал следующую запись: «Надо бы научиться некоторым нашим "руководителям" как тактично критиковать, так и объективно освещать его (Сталина. — *Е.Б.*) политическую и организаторскую деятельность». Он отмечал, что Сталин 30 лет возглавлял партию и страну, в тяжелые годы после Гражданской войны, во время экономической разрухи, голода и холода, полного окружения капиталистическими странами. Первый секретарь перечисляет успехи страны, народа, партии (первые пятилетки, стахановские бригады, покорение Северного полюса и Арктики, индустриализация и коллективизация, укрепление обороноспособности страны, победа в Великой Отечественной войне, возрождение страны, ее экономики после войны), отмечая, что это также успехи и Сталина, о котором говорило и с именем которого воспитывалось целое поколение. Были ошибки и просчеты, конечно, и о них тоже надо говорить[77].

После чехословацких событий партийное руководство — и в центре, и на местах — стало особенно бдительным по отношению к «политически вредным проявлениям». Шелест вспоминал (январь 1969 г.): «Много распространяется литературы, листовок, писем по политическим, национальным правам человека, свободе слова, печати, демократии и другим вопросам. Но наши органы не могут найти "корня", откуда все это идет. Москва тоже пока мечется и ничего не может сделать по пресечению этого явления»[78]. 11 февраля 1969 г. Шелест обратился в ЦК КПСС с письмом о негативных настроениях в Украине в связи с событиями в ЧССР. А 28 февраля 1969 г. зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Яковлев, зав. отделом административных органов ЦК КПСС Савинкин и зам. зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС П. Анисимов выступили с инициативой отправить ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам закрытое письмо ЦК КПСС о повышении политической бдительности.

Арестованный в 1965 г. Иван Русин вспоминал: «Тогда еще были либеральные времена Шелеста, Никитченко. После 1966 г. началось закручивание гаек. Вместо Никитченко, главой КГБ Украины стал Федорчук, началось наступление на Шелеста и вообще охота на ведьм»[79]. Правда, Русин ошибается, В.В. Федорчук председателем КГБ при СМ УССР стал в 1970 г. Тем не менее «либеральные» времена Шелеста – Никитченко в диссидентских кругах нередко противопоставляются временам Щербицкого – Федорчука[80].

П.Е. Шелест четко исполнял руководящие указания Москвы. 16 октября 1970 г. он побывал на приеме у Брежнева, чтобы получить инструкции о предстоящем съезде КПУ: «Я прямо спросил у Брежнева, как мне ориентироваться на предстоящем съезде? Брежнев мне ответил: "Претензий к тебе у нас нет, работа у тебя ладится, работай спокойно"»[81].

Однако «работать спокойно» Шелесту оставалось уже недолго. Врублевский вспоминал, что в начале 70-х годов в стране заметно усилился, внешне хоть и незаметный, но действенный процесс консолидации сил вокруг нового лидера. «Л.И. Брежнев укреплял свои "тылы". Разумеется, среди тех, кто был приближен, находились, в первую очередь, те, кто в какой-то мере пострадал от его предшественника. Люди, которых Леонид Ильич хорошо знал и которые будучи преданными ему лично, не обладали опасными политическими амбициями. Шелест же из упомянутой обоймы явно выпадал»[82], — свидетельствовал помощник В.В. Щербицкого. Шелест почувствовал перемены настроения в Москве к себе в марте — апреле 1971 г.: «В кулуарах много было разговоров якобы о моем переходе после съезда работать в Москву ...вокруг меня происходит какая-то возня»[83]. В апреле 1971 г. Щербицкого избрали в Политбюро ЦК КПСС. С этого момента, как вспоминал Врублевский, стало ясно, что дни Шелеста сочтены[84]. Окончательную ясность внесло празднование 65-летия Брежнева. Накануне Шелест вместе с Щербицким получили приглашение от Брежнева. Были приготовлены подарки — картина «Золотая осень», хрустальный рог и набор напитков. Но, оказавшись в Москве, украинские деятели выяснили, что без жен на приеме оказались они одни — всех остальных предупредили. Шелест утверждал, что Брежневу не понравилась поздравительная телеграмма, в которой обыгрывался подарок — «Золотая осень». «Ваши годы — это ранняя золотая осень, которая приносит огромные плоды, для нашего народа»[85], — значилось в телеграмме.

Окончательно судьба Петра Ефимовича решилась через пять месяцев. 19 мая 1972 г. открылся Пленум ЦК КПСС. Брежнев вызвал первого секретаря ЦК КПУ в комнату президиума. Тот писал: «За последние месяцы между мной и Брежневым появилась какая-то холодность, натянутость, и причина мне еще не была совсем ясной». Брежнев предложил Шелесту «сменить обстановку» и перейти на работу в Москву, «для общей пользы дела». Шелест ответил: «Ну что ж, если по-другому нельзя поступить, делайте как хотите»[86].

Шелеста перевели на пост заместителя председателя Совета Министров. Однако простым «перемещением» дело не кончилось. Вскоре была развернута критика книги Шелеста «Украина наша советская», которая вышла в начале 1971 г. 12 сентября следующего года в Политбюро ЦК КПСС поступило письмо академиков АН УССР Н.З. Шамоты, В.М. Бабия и члена-корреспондента АН УССР А.Г. Шевелева «о серьезных методологических, идейных ошибках» книги Шелеста. При обсуждении члены По-

литбюро согласились, что ряд положений книги «теоретически несостоятельны и политически вредны», что Шелест отходит от партийных, классовых позиций и наносит ущерб делу интернационального воспитания трудящихся[87].

Оценивая деятельность П.Е. Шелеста на посту первого секретаря ЦК КПУ, современные украинские историки обычно говорят о маневрировании между двумя политическими дискурсами — централизаторским и антицентрализаторским, и о линии Шелеста как проявлении своеобразной двойственной лояльности (общесоюзной и республиканской)[88]. Между тем, Шелест был не просто лоялен существующей системе, но явился ее продуктом: он был воспитан советской властью и, делая политическую карьеру, был убежден в справедливости существовавшего строя. Следует согласиться с выводом В.Л. Савельева, что патерналистская атмосфера, господствовавшая в республиканской номенклатуре, порождала не политического лидера в современном значении этого слова, а исполнителя воли центра, которому были присущи конформизм и приспособленчество[89]. В данной связи искать причины устранения Шелеста с поста главы украинской партии следует не в его «украинстве», а в существовавшей расстановке сил в Москве. Шелест оказался «неудобной фигурой» для Л.И. Брежнева и как участник «антихрущевского дела», и как верный человек Н.В. Подгорного. Не удивительно, что генсек, укрепив свои позиции, сделал все для того, чтобы тот разделил участь Семичастного. Скорее всего, Шелест не устраивал не Кремль, а лично Брежнева. Желая усилить свои позиции на Украине, Брежнев заменил Шелеста «своим человеком» — Щербицким. Между тем, сам Петр Ефимович отнюдь не был выразителем своеобразной формы украинского партийно-советского национал-автономизма[90]; нельзя согласиться и с тем, что он являлся более украинцем, нежели коммунистом[91]. Напротив, он был ярым приверженцем «системы», активным ее защитником. 5 января 1971 г., ознакомившись с воспоминаниями Хрущева, Шелест сделал следующую дневниковую запись: «Зарубежная пропаганда всячески пытается этот материал использовать против нас. Авторитет руководителей страны и вся наша система будут подвергнуты аналитической критике. А действительно, у нас немало пороков, и это при нашей неплохой системе. Вся беда в том, что мы часто отступаем от этой хорошей системы. Если бы мы ее строго придерживались, ох насколько было бы лучше и как бы укреплялась вера народа в то, что мы делаем»[92].

[1] *Врублевский В.К.* Владимир Щербицкий: правда и вымыслы: записки помощника: воспоминания, документы, слухи, легенды, факты. Київ, 1993. С. 23.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 666. Оп. 1. Д. 7. Ч. 2. Л. 92.

[3] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 169.

[4] Там же.

[5] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 7. Ч. 2. Л. 93 об, 94.

[6] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 192.

[7] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 8. Ч. 2. Л. 78; Д. 9. Л. 11 об.

[8] Там же.

[9] В воспоминаниях и рабочих записях Шелест называл «делом» заговор против Хрущева.

[10] Политическое руководство Украины. 1938 – 1989. М., 2006. С. 314.

[11] *Там же. С. 314 – 315.*

[12] *Врублевский В.К.* Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. С. 23.

[13] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 181.

[14] Там же. С. 204

[15] См.: *Аксютин Ю.* «Вы наше знамя!» // Родина. 2006 № 10. С. 26.

[16] *Врублевский В.К.* Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. С. 35.

[17] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 246 – 247.

[18] *Некрасов В.П.* Записки зеваки. М., 2003. С. 177 – 178.

[19] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 19. Л. 36.

[20] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 250.

[21] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 19. Л. 39 – 40.

[22] Там же. Л. 40 – 41.

[23] Лист до ЦК КПРС про розширення прав республіки використовувати продукцію для місцевих потреб, яка випускається поза/понад план. 2 квітня 1965 тр. // Шелест П. «Справжній суд історії ще попереду». Спогади. Щоденники. Документи. Матеріали. Київ, 2003. С. 457 – 459.

[24] Лист до ЦК КПРС, Ради Міністрів СРСР щодо розвитку народного господарства України на 1966 – 1970 рр. 9 червня 1966 р. // Там же. С. 469.

[25] Политическое руководство Украины. *1938 – 1989. С. 331.*

[26] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 250.

[27] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 39. Л.24.

[28] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 250.

[29] Там же.

[30] Там же. С. 251.

[31] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 10. Л. 146 – 146 об.

[32] Там же. Л. 147 об.

[33] Там же. Д. 52. Л. 63 – 108.

[34] Там же. Л. 137 – 165.

[35] Там же. Л. 12 – 31.

[36] Там же. Л. 33 – 44.

[37] Там же. Л. 109 – 136.

[38] Там же. Л. 46 – 62.

[39] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 252.

[40] Там же. С. 253.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 266 – 269.

[43] Там же. С. 279 – 282.

[44] Там же.

[45] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 28. Л. 127, 128.

[46] *Баран В.К. Україна: новітня історія (1945 – 1991). Львів, 2003. С. 244 – 247.*

[47] См.: Политическое руководство Украины. 1938 – 1989. М., 2006. С. 340, 352; *Шелест П.* «Справжній суд історії ще попереду». С. 542, 545, 550, 551, 560,567, 570, 571.

[48] Лист до ЦК КПРС з пропозиціями щодо основних напрямів розвитку економіки УРСР на 1971 – 1975 рр. 4 лютого 1971 р. // Там же. С. 582.

[49] Лист до ЦК КПРС, Ради Міністрів СРСР щодо розвитку народного господарства України на 1966 – 1970 рр. 9 червня 1965 р. // Там же. С. 466.

[50] Лист до ЦК КПРС з пропозиціями щодо основних напрям в розвитку економіки УРСР на 1971 – 1975 рр. 4 лютого 1971 р. //Там же. С. 582 – 583.

[51] РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 32. Л. 7 – 8.

[52] Там же.

[53] Там же.
[54] Политическое руководство Украины. 1938 – 1989. С. 334.
[55] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 178.
[56] Там же. С. 179.
[57] Центральний державний архів громадських об'єднань України. (Далее: ЦДАГОУ.) Ф. 1. Оп. 24. Д. 5774. Л. 7.
[58] Там же.
[59] *Баран В.К. Україна: новітня історія (1945 – 1991). Львів, 2003. С. 294.*
[60] Там же. С. 296.
[61] Там же. С.297 – 298.
[62] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 257.
[63] Там же. С. 258.
[64] *Мусатов В.Л.* Советский Союз и Пражская весна 1968 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 2. С. 200.
[65] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 390.
[66] См.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. С. 200.
[67] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 294.
[68] Там же. С. 297.
[69] Там же. С. 328.
[70] Там же. С. 329.
[71] Там же. С. 345.
[72] Там же. С. 351
[73] Там же. С. 379.
[74] Там же. С. 385.
[75] Там же.
[76] Там же. С. 389.
[77] Там же. С. 416.
[78] *Там же. С. 415.*
[79] *Іван Русин.* Всі називали його Сонечком // Доброокий. Спогади про Івана Світличного. Київ, 1998. С. 379.
[80] См., например: *Леоніда Світлична.* Поруч з Іваном // Доброокий. Спогади про Івана Світличного... С. 33.
[81] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 457.
[82] *Врублевский В.К.* Владимир Щербицкий: правда и вымыслы... С. 26.
[83] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 478.
[84] *Врублевский В.К.* Владимир Щербицкий: правда и вымыслы... С. 26 – 27.
[85] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 493.
[86] Там же. С. 517 – 519.
[87] Лист до ЦК КПРС щодо методологічних та ідейних помилок книги П. Шелеста «Україно наша Радчянська». 12 вересня 1972 р. // Шелест П. «Справжній суд історії ще попереду». С. 614.
[88] *Шаповал Ю.І.* Петро Шелест у контексті політичної історії України XX століття // Там же. С. 11.
[89] *Савельєв В.Л.* Чо був П.Ю. Шелест виразником «українського автономізму»? // Український историчний журнал. 1991. № 4 С. 99.
[90] *Гришко В.* Українська національна ситуація в СРСР на тлі горбачовської «перебудови» // Сучасність. 1988. Ч. 2. С. 82.
[91] *Земцов І.* Андропов і неросійські нації — ставлення та політика // Сучасність. 1988. Ч. 3. С. 72.
[92] *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». С. 468.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ